

Все будет хорошо!

12+

Людмила Лаврова

Людмила Лаврова

Все будет хорошо!

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67719158

SelfPub; 2022

Аннотация

Жизнь странная штука. В детстве кажется, что все просто. Есть плохое и хорошее. Все знают, как должно быть. А как? Только по-хорошему, конечно. Все просто и понятно. Но мы растем... Становимся взрослыми. И в какой-то момент понимаем, что то самое хорошее – это почему-то редкость. Мало хороших людей, мало понимания в людях, мало добра, мало любви... Так мало всего того, в чем нуждается любой из нас. Почему так? Нет ответа. Ведь в детстве все были хорошими, все знали, как надо.

И приходит момент, когда мы слышим чью-то историю. Неважно о чем. Просто о том, что все хорошо. Первая реакция? "Сказка! Так не бывает! Не верю!"

В этом сборнике собраны только реальные истории о людях. Нет ни одного выдуманного персонажа или сюжетной линии. Изменены только имена. Живые истории о хорошем...

Содержание

Соседка	4
Просто так случилось	49
Конец ознакомительного фрагмента.	67

Людмила Лаврова

Все будет хорошо!

Соседка

– Ого, какая у вас собака! – девушка, которая стояла возле подъезда рядом с грузовиком, округлила глаза. Юля усмехнулась. На Грея реакция была почти всегда одинаковая. Кто-то сразу шарахался в сторону и старался побыстрее унести ноги, а кто-то удивленно замирал, разглядывая огромного, мощного пса. – А что это за порода?

– Ризеншнауцер.

– Это ж такого в квартире держать? Да ну!хлопотно и шерсти много. А воняет!

Юля подняла брови. Ничего себе! Девушка, похоже, за словом в карман не лезет.

– Нет. Он не пахнет.

– А можно я его понюхаю? Или он меня съест?

– Не исключено.

Юля начинала сердиться. Матвей где-то застрял, и она собралась уже вернуться в квартиру, как дверь подъезда открылась и по ступенькам запрыгал ее неугомонный сын.

– Мам! Я сменку забыл! Пришлось возвращаться.

– Молодец! Главное, вовремя. Вот не пустит тебя Ольга

Александровна на урок – будешь знать!

– Я успею! – Матвей сунул в руки матери рюкзак и забрал у нее поводок. – Грей, побежали!

Огромный черный пес совсем по-человечески вздохнул и солидно потрусил рядом с мальчиком. Юля усмехнулась и пошла следом.

– До встречи! – странная девушка махнула вслед им рукой и повернулась к грузчикам.

В школу Матвей все-таки опоздал. Юля написала смс учительнице и кивнула собаке:

– Все. Можно гулять спокойно. У нас с тобой есть час.

Она потрепала Грея за ушами и потянула поводок. Гулять с собакой ей нравилось. Конечно, в чем-то эта странная девушка у подъезда была права. В маленькой двухкомнатной квартирке, куда Юля перебралась после развода, места было совсем мало. Грей занимал почти весь пяточок маленькой прихожей. Но, за те полгода, что собака жила с ними, Юля и, особенно, Матвей настолько привыкли к ней, что уже не представляли себе, как может быть иначе.

– Наследство, ты мое! – шепнула Юля и Грей двинул ухом, прислушиваясь.

Хозяйку в Юле он признал далеко не сразу. После крепкого, высокого Юлиного отца, обладавшего густым басом, Грей никак не воспринимал эту миловидную худощавую молодую женщину, что пыталась призвать его к порядку. Ее робкие команды вызывали у него недоумение. Чего она хочет? Хо-

зьяин куда-то пропал, а теперь появилась она. Да, пахнет от нее приятно, но ведь она-то чужая? Или нет?

Юля никогда не хотела животных в доме. У нее просто не было ни времени, ни сил, чтобы брать на себя ответственность еще за кого-то кроме себя и сына. Сложные отношения с мужем, которые в итоге закончились разводом, вконец измотали ее. Юля была даже немного рада, когда очередная любовница Михаила позвонила ей и назначила встречу.

– Зачем нам встречаться? – Юля задумчиво смотрела на орхидею, которая стояла на окне в ее офисе, и слушала какие-то излишне восторженные уверения в том, что ее Миша самый лучший мужчина на планете Земля. И, разумеется, она последняя женщина, которая могла бы быть его достойна. – Вам же нужен Михаил? Не я? Так, вперед! На штурм! При чем здесь я?

Собеседница поперхнулась и на какое-то время замолчала, а потом робко спросила:

– Так вы не против?

– Я? Абсолютно нет! Я очень даже «за»! Считайте, что я вам выдала официальное разрешение. – Юля выключила телефон и подавила в себе желание швырнуть его о стену. Техника чем виновата?

Вечером она упаковала два чемодана и, не дожидаясь возвращения Михаила с работы, уехала к себе. Благо, что квартира, которую она купила еще до брака, стояла пустая в этот момент. Матвей молча собрал игрушки, не задавая маме во-

просов, и только укладываясь спать на новом месте, тихонько спросил:

– Мам, а мы теперь будем здесь жить?

– Да, родной.

– Без папы?

– Без.

– И ты больше не будешь плакать?

Вопрос сына что-то сломал внутри и Юля судорожно перевела дыхание.

– Нет. Больше не буду. По крайней мере, постараюсь. А если вдруг увидишь, что реву, ты не огорчайся, ладно? Немножко все-таки надо. Девочкам положено.

– Только немножко... – Матвей вылез из-под одеяла и обнял маму. – Совсем капельку!

Михаил спорить с решением жены не стал. Он вообще объявился только через месяц, позвонив, как ни в чем не бывало, чтобы уточнить, на какое число Юля взяла билеты в Сочи, куда они собирались ехать всей семьей. Юля в очередной раз удивившись безмерной гибкости своего супруга, отправила ему билеты и спросила, как он посмотрит на то, чтобы заключить мировое соглашение по поводу ребенка.

– Конечно! Как скажешь, так и будет. Я согласен на все. Юль, вам деньги нужны? Я кину тебе на карту.

– Нет, спасибо, нам хватает. Я позже пришлю тебе номер счета. Можешь переводить туда средства для Матвея. Я не буду их снимать, можешь проверить. Это ему на будущее.

– Ты себя слышишь? Юлька, я, конечно, подлец, но совсем мерзавца из меня не делай, ладно?

Надо отдать должное Михаилу, сына он не бросил. Помогал, встречался на выходных, откладывая все свои дела, и очень скоро Юля отметила, что Матвей стал гораздо спокойнее общаться с отцом и встречи даже стали доставлять ему удовольствие. Он рассказывал маме, куда они ходили, что делали и Юля понимала, что сын для Михаила стал темой отдельной от его остальной жизни. Они гуляли всегда только вдвоем.

– Никаких баб, Юль, поверь. Ни к чему оно. – Михаил как будто оправдывался, а Юля пожимала плечами.

– Это твоя личная жизнь. Хотя, не скрою, мне спокойнее, что вы с Матвеем встречаетесь так. Слишком много объяснять бы пришлось, а я к этому, наверное, не очень готова.

В первый класс Матвей пошел, держа обоих родителей за руки. Не сговариваясь, ничего не осуждая, они выстроили такую систему, в которой Матвей был главным. Все остальное касалось только их самих.

Выяснять отношения Юля сочла ниже своего достоинства. Да и что там выяснять? Любил-разлюбил-почему? И что это ей даст? Пару лишних комплексов? Хороший качественный скандал? Ни того ни другого она не хотела. Сосредоточившись на работе и Матвее, она потихоньку оттаяла. Последние годы все ее существование сводилось к механическому исполнению того, что обеспечивало «благополу-

чие» семьи и коротким вспышкам острой жалости к себе. Сейчас жалеть себя Юля перестала, потому, что больше не видела в этом смысла. Она свободная, молодая, красивая, даже ребенок уже в наличии. Вполне приличная работа, своя квартира и возможность изредка провести время так, как захочется, «подкинув» Матвея подруге, у которой сын был такого же возраста. Жизнь постепенно начала налаживаться в этом новом русле, когда поздно вечером раздался неожиданный звонок.

– Юленька? – голос был совершенно незнакомым и в мире не нашлось бы больше ни одного человека, кто называл бы ее Юленькой. Так звала ее мама, но ее давно уже не было.

– Да. Кто вы?

– Ты меня не знаешь. Я гражданская жена твоего папы, Галина Ивановна.

– Папы?

– Я понимаю. Вы не общались. Но, Юленька... Папы больше нет.

Юля замерла, не зная, что сказать, как реагировать на эту новость. В голове был полный кавардак.

– Алло? Ты меня слышишь?

– Да... – Юля почти прохрипела в трубку вопрос и, записав адрес, где было назначено прощание, отложила телефон.

С отцом последний раз она виделась, когда ей было три года. Конечно, она этого совершенно не помнила. Мама не любила распространяться на эту тему и Юля мало что знала

о том, почему разошлись ее родители. Любые вопросы на эту тему мама пресекала в зародыше и Юля, видя ее поджатые губы и сердитый взгляд, тут же сворачивала тему. После того как мамы не стало, ее ближайшая подруга рассказала Юле, что разошлись родители по инициативе матери.

– Она очень деятельная была, Юль, ты же знаешь. А отец твой был человеком спокойным. Все мечтал о собственном доме и большой собаке. Мама твоя все смеялась поначалу. Где она и где дом-огород? Не сошлись характерами.

– А почему он со мной не общался?

– Мама твоя не позволяла. Считала, что ты и так слишком спокойная, не пробьешься в жизни. А если еще и философию отца переймешь – вообще тогда пиши-пропало.

Юля первый раз в жизни тогда поняла, что не за все и не всегда нужно быть благодарной родителям. Винула мать, за то, что не дала ей встречаться с отцом. Винула отца, что пошел на поводу и даже не попытался изменить ситуацию, когда Юля стала старше и никаких разрешений уже не требовалось. Злость смыло только в тот день, когда она приехала проститься с отцом. Увидела дом, в котором он жил и поговорила с Галиной Ивановной.

– Ты не серчай на отца, девочка. Он очень болел. Диабет. Сначала пальцы на ногах отняли, потом и ноги сами. Очень боялся тебя беспокоить. Все говорил, что раз ничего не дал тебе, так какое право имеет требовать хотя бы общения.

Юля вошла в комнату, дверь в которую открыла Галина,

и застыла на пороге. Со стены огромными, широко распахнутыми глазами смотрела она сама.

– Узнала себя-то? – Галина кивнула на портрет. – Попросил увеличить и в рамку вставить. Карточка маленькая была, а он уже совсем плохо видел. Все разговаривал с тобой.

Смахнув слезы, Галина потянулась к белому конверту, что лежал на комод.

– Тебе это. Ты прости, оно не запечатано, но я и так все знаю, что там написано. Под его диктовку писала-то. Ты почитай, а я пойду пока посуду приберу.

Юля сидела в комнате отца, читала и злилась. Злилась потому, что не понимала, почему нельзя было сказать все это тогда, когда можно было еще говорить. Когда было время. Пусть немного, но было. К чему было это глупое упрямое желание «не обременять»? Юля заплакала. Лучше бы он "обременил" ее. Лучше бы она хотя бы год провела рядом с ним. Показала бы ему Матвея, рассказала бы, как они живут.

«Я люблю тебя, Юленька!»

– Где? Где эта ваша любовь, папа? Почему так? Почему надо любить молча, держа за семью замками то, о чем надо кричать? То, о чем говорить надо без конца, каждый день, каждую минуту! Потому, что потом, этих минут вдруг не остается и никто уже ничего не скажет...

Лишь спустя два часа Юля, наконец, поднялась и, вытерев насухо глаза, вышла из комнаты.

– Спасибо вам, Галина Ивановна.

– Да мне-то... Юленька, тут вот еще что... – Галина Ивановна замялась. – Дом, понятно, тебе. Завещание он оформил все честь по чести, я бумаги все вот тут собрала и в папку сложила. А вот, что с Греем делать я ума не приложу. Я-то к дочери уезжаю, во Владивосток. Там у меня и дом, и родня. А его с собой я взять не могу, потому, что знаю – сама долго не протяну. Здоровье что-то совсем не то. Не хочу, чтобы он еще раз пережил потерю хозяина. Хотя, какая я ему хозяйка? Он только папу твоего и признавал.

– А что за собака? – Юля вспомнила вдруг слова маминой подруги.

– Пойдем. – Галина Ивановна поманила Юлю за собой и провела ее в пристройку, которая служила гаражом. – В дом заходить отказывается. Да и не ест ничего уже несколько дней. Как чувствовал. Все скулил и не отходил от него. А как папы не стало, ушел сюда, лег и отказывается даже смотреть в мою сторону.

Юля охнула, увидев огромного черного пса, который даже не поднял голову, когда она подошла к нему.

– Ничего себе... собачка...

– Да, большой он. Но, очень умный, Юленька. Может быть есть какие-то люди, кто занимается? Пристроить бы его. Он же чемпион, очень хороших кровей. Может быть кому-то и понадобится...

Юля села на корточки и попыталась поймать взгляд собаки.

– Эй! Как там тебя... Грей! Пойдешь со мной?

Пес чуть шевельнул ухом и никак больше не показал, что слышал вопрос.

– Его больше нет, Грей. И тебе сильно повезло, что ты его знал так хорошо. Я не знала вовсе. Но, если он тебя любил, то, может, и я смогу? Пойдешь со мной? – Юля робко протянула руку и сначала осторожно, а потом смелее погладила пса по голове.

Глаза, которые смотрели на нее были полны такой боли, что она невольно вздрогнула. Не думая больше о том, как надо и не надо, Юля схватила собаку за ошейник и командовала:

– Вставай! Рядом!

Это было все, что она знала из команд. В голове крутилось еще: «Апорт!», но это точно было сейчас ни к чему.

Галина Ивановна удивленно ахнула, глядя, как собака поднялась и пошатываясь пошла за Юлей к выходу.

– Надо же! А я и с места сдвинуть не смогла его. А ведь меня он знал с того дня, как его привезли в этот дом.

Юля открыла заднюю дверь в машине и командовала:

– Залезай!

Пес обернулся на дом, размышляя, а потом запрыгнул внутрь.

– Чем кормить эту громадину?

– А я тебе все написала. В папке листочек лежит. И все документы Грея там же. Мало ли, вдруг ты все-таки решишь

его отдать. Спасибо, что приехала, Юленька! Теперь я точно знаю, что папе там спокойно.

Юля распрощалась с Галиной Ивановной и поехала домой. Поглядывая в зеркало, она наблюдала за собакой и удивлялась сама себе. Как только она согласилась на эту авантюру? И что теперь будет делать с псом? Собак у нее никогда не было. Как ухаживать за ними она совершенно не представляла. Помог Матвей.

– Вау! Мама, это кто? – Матвей, открыв рот, разглядывал пса.

– Это Грей. Будет теперь жить с нами.

– Круто!

Матвей восторженно хлопнул в ладоши и Юля отметила, что пес никак не отреагировал на громкий звук. Спокойный... Наверное, и папа был таким же. Она прогнала от себя невольные мысли и спросила:

– Сын, что нам с ним делать? Я совершенно не знаю, как надо обращаться с такими собаками.

– Мам, ну ты как маленькая! Интернет же!

Грей прижился. Поначалу Юле было сложно с ним. Большой, тяжелый, он обращал на нее внимание не больше, чем на блоху, которая каким-то образом прицепилась к поводку. Юля поначалу терпела, а потом рассердилась.

– Что это еще такое?! Я – человек, а ты – собака! Я главная, понял! Значит будет так, как я скажу! А ну, рядом!

Грей остановился, и Юля готова была поклясться, что он

усмехнулся.

— Ах, ты ж... Сидеть! — Юля рывкнула так, что Грей плюхнулся за зад и удивленно посмотрел на Юлю. — Вот так! И больше мы к этому вопросу не возвращаемся, понял? То-то!

Матвей, вечером глядя как Грей ждет миску, спросил у матери:

— Мам, а с ним все нормально?

— Почему ты спрашиваешь?

— Он так странно на тебя смотрит!

Юля оторвалась от кастрюли с кашей и глянула на собаку. Грей сидел, почти не дыша, и не сводил с нее глаз.

— Да. У нас был серьезный разговор.

— Я вижу. Можно попрошу?

— Что?

— Не разговаривай так со мной, ладно?

Соседи поначалу шарахались, когда видели Юлю с собакой, но постепенно привыкли.

— Юля, он у тебя такой воспитанный мальчик! — Анжелика Петровна, соседка по лестничной клетке перестала прижимать к себе свою Тяпу и безбоязненно теперь входила в лифт вместе с Юлей, когда та выводила Грея по вечерам.

С соседями у Юли сложились спокойные и теплые отношения. Ей очень повезло. В их подъезде был только один проблемный сосед и тот не так давно съехал. Дом был старым и в основном здесь проживали люди старшего возраста. Юля не раз соглашалась присматривать за соседскими кошками

или собаками, когда хозяева уезжали на отдых или попадали в больницу. Матвей с удовольствием бегал за молоком и хлебом, если его просила соседка. И Юля была относительно спокойна, когда ей пришлось сменить работу и Матвей стал более самостоятельным. Теперь она не могла забирать его из школы после уроков, и Матвей стал приходить домой сам. Анжелика Петровна выглядывала на лестничную клетку, здоровалась с мальчиком и докладывала Юле:

– Домой пришел, дверь запер.

Юля долго решала, нужны ли подобные перемены, но должность, которую ей предложили в новой фирме, была ее давней целью, а зарплата позволяла больше не переживать о том, что холодильник опустеет раньше, чем придет заветный день выплаты. Теперь она могла порадовать сына лишний раз, да и про себя можно было не забывать.

Все складывалось хорошо, если бы не одно «но». Новая соседка стала сущим кошмаром для Юли. Окси, как она сама себя отрекомендовала, была девушкой "продвинутой" и совершенно не обладающей какими-либо комплексами. Такой простоты, как у Оксаны, Юля за всю свою жизнь не встречала никогда.

– Привет! Кофе сделаешь? – с этой фразой Оксана появилась в доме Юли первый раз. – Зарплату задерживают, в холодильнике полный ноль, даже мыши нет. Представляешь, мой укатил к матушке и сидит там, жирует. И ему совершенно по барабану, что мне-то тут жрать нечего!

Юля ошарашенно смотрела на бесцеремонную девушку, которая прошла по квартире, заглянув в каждый угол и приземлившись на стул на кухне, прокомментировала:

– И правда, псиной не пахнет. Даже удивительно! Думала у тебя не продохнуть будет. Слушай, а у тебя что, мужика нет? Почему? Молодая, красивая! Что пацан – так кому это когда мешало? Что с личной жизнью? Совсем туго?

Юля терялась от подобного. Она всегда четко выстраивала свои границы и никому и никогда не позволяла за них заступать. Но здесь все оказалось бессильным. И ее опыт общения с людьми, и куча прочитанных от корки до корки книг по психологии. Окси не поддавалась никаким правилам и порядкам. Она делала только то, что хотела сама. Врываясь совершенно бесцеремонно по вечерам к Юле, она не признавала таких слов как «нет», «я занята», «давай в другой раз».

– Ой, да какие у тебя занятия? Одинокая баба! Привет, Матвей! Тащи «Монополию», сыграем. Матери тоже немножко повеселиться надо. Юль, сообрази чайку с ромашкой. Ну того, вкусного, как ты умеешь. Привет, троглодит! – Оксана трепала Грею за ушами. – Как жизнь молодого кобеля? Юль, а он ведь молодой? Чего щенков не наделает? Хотя, если подумать, кому нужны такие монстрики? Ведь вырастет такая вот лошадь!

Юля сама не понимала, как получалось, что уже через пару минут после появления Оксаны ее начинало трясти, но при этом на столе появлялся чай, печенье, а Матвей и Грей

садились рядом, ловя каждое слово этой странной девушки.

– Ты себе барышню уже завел, Матвей? Дергаешь кого-то за косички? – лихо отсчитывая бумажные деньги, Оксана покупала очередную улицу в игре. – Э! Куда?! Это мое! То-то! Сначала научись девчонок цеплять, а потом будешь такую тетку как я обыгрывать, понял! – легонько щелкнув сложенными карточками по носу Матвея, Оксана кидала кубики.

– Теть Оксана, а как это – цеплять?

– Сам ты "тетя"! Зови меня Окси! А так это! Вот если тебе нравится кто-то, ты что делать будешь?

– Не знаю!

– А я тебе расскажу! Надо не обращать на нее внимания. Можно посматривать и вздыхать. Но, если вдруг она заметит, дать ей учебником по башке, чтобы не воображала!

– Оксана! – Юлия прерывала этот поток сознания и ставила перед соседкой очередную чашку с чаем. – А почему ты одна сегодня вечером? А где твой Костик?

– А, нет его! Выгнала!

И Оксана переключалась с Матвея, но Юлия только больше хваталась за голову и мигом отправляла сына в комнату, смотреть мультики.

– Оксана! Ну, не при ребенке же!

– Да ладно тебе! Они в этом возрасте больше нас с тобой понимают!

– В девять лет?

– А ты думала! Акстели... Аксели...

– Акселерация?

– Она, родимая! Дети такие ранние стали, что аж страшно!

Юля, как могла, пыталась избавиться от назойливой соседки, но все попытки не увенчались успехом. Со временем она смирилась и стала подумывать о переезде. Дом отца стоял закрытым и туда либо надо было пускать квартирантов, либо перебираться самой. Единственное, что ее останавливало, так это то, что до школы можно было добраться оттуда только на машине и на работу ездить было далеко. Вопрос жить или не жить в квартире дальше решил сам собой.

В тот день Юля спешила с работы в школу Матвея. Предновогодние дни выдались суматошными и какими-то бестолковыми. Работы было много, времени мало, а тут еще у Матвея утренник. Кто придумал называть детские праздники утренниками, если их, как правило, устраивали в школе по вечерам? Всю неделю они учили с Матвеем слова к спектаклю и мальчик страшно расстроился, когда узнал, что отец прийти на праздник не сможет, так как уезжает в длительную командировку.

– Прости, сын! Не получается. Но, я постараюсь быть на следующем празднике. – Михаил заехал перед отъездом поздравить Матвея.

– Ничего, пап! – Матвей с восторгом разглядывал коробку с приставкой, которую привез отец. – А мне можно будет в нее поиграть?

– А зачем еще, по-твоему, я ее привез? – рассмеялся Михаил. Весь вечер они настраивали приставку, а потом азартно играли в какую-то игру, совершенно не обращая внимания на время, пока Юля не прогнала сына спать.

– Завтра будешь носом клевать и половину слов перепутаешь!

Она уложила сына и вышла с Греем проводить Михаила.

– Юль!

– А?

– У тебя кто-то есть?

Юля застегнула намордник на собаке и повернулась к Михаилу.

– Зачем тебе это знать?

Михаил помолчал, но потом все-таки ответил:

– Юль, значит надо, раз спрашиваю.

– Нет, Миша, нет у меня никого. После тебя там поле выжженное. Да и не нужен мне никто. У меня других дел полно. Извини, мы на площадку пойдем. Я во дворе Грея не гуливаю.

– Можно, я вас провожу?

Они шли по темным улицам молча, не глядя друг на друга. Что скажешь, когда все давно понятно? И все-таки что-то витало в морозном воздухе, чуть слышно позванивая снежинками, которые вдруг посыпались с неба густым роем.

– Юль, меня не будет больше месяца. А потом я вернусь.

– Хорошо. Матвей будет рад.

– А ты?

Юля не ответила. Она просто не знала, что сказать.

Михаил уехал, а Юля никак не могла отделаться от мысли, что он хотел сказать что-то еще, но она ему не позволила. Вот и сейчас, торопливо шагая по тротуару, она перебирала вчерашний разговор и думала о том, что сама не знает, хочет ли услышать это «что-то» от Михаила.

Последнее, что она запомнила в этот злосчастный день, был визг тормозов и приглушенный женский крик за спиной. Удивленно подумав, что почему-то ей совсем не больно, Юля потеряла сознание.

Водитель, который сбил ее на пешеходном переходе, попытался скрыться, но его задержали прохожие. Юлю увезли в больницу. Больше недели она провела в реанимации, не приходя в сознание. Врачи бились за нее, забыв про праздники. И только на Рождество, рано утром, она открыла глаза.

– Андрей Валентинович, очнулась! – молоденькая медсестра улыбнулась Юле. – Добро пожаловать обратно! Напугали же вы нас!

Юля постепенно приходила в себя и в глазах ее заметался страх. Она дернулась, пытаясь что-то сказать, но лишь закашлялась, охнув от боли.

– Тише! Вам пока рано говорить!

– Матвей... – прохрипела Юля, умоляюще глядя на медсестру.

– Кто?

– Сын...

– С вами никого не было... – сестричка растерянно смотрела на Юлю, но тут в палату вошел врач.

– Наконец-то! Юлия Олеговна, ну так же нельзя! Сколько можно испытывать наше терпение? Пора бы уже дать результат нашим гениальным попыткам вытащить вас с того света. Уверяю вас, мы очень сильно старались! – врач быстро пробежал глазами показатели и улыбнулся. – Молодец! Правду говорят – женщины у нас сильный пол! Знаю-знаю! – он жестом остановил вопросы Юли. – Все с ребенком в порядке. Там девушка приходила, просила передать, что сын ваш у нее. С ним все в порядке.

Юля пыталась сосредоточиться, спросить еще что-то, но потолок вдруг завертелся, она прикрыла глаза и поняла, что ей почему-то безумно хочется спать.

О том, что случилось с Матвеем, она узнала через несколько дней, когда ее перевели в палату. Окси ворвалась в первые же минуты того времени, что отводилось для посещений и заполнила собой всю палату. Соседи Юли глазели на ярко накрашенную, шумную девушку, с невольным изумлением. Но, Юлю сейчас все это интересовало мало.

– Оксана! Где Матвей?

– Так у меня! Вот, что ты за мать такая? Разве можно так себя не беречь? – Оксана выставляла на тумбочку какие-то банки и большой термос. – Кто носится так по скользким улицам?

– Я не виновата была.

– Да знаю я! Я бы этому водиле! Ведь на пешеходном переходе! Совсем глаз нет у него, что ли?! – Окси отмахнулась от Юли и откупорила первую банку. – Бульон! Куриный! Ты не думай, я сама варила. Бабушка меня научила. Самое верное средство! Ешь быстрее, пока не остыл совсем. Я так бежала, что ног не чувствую теперь. В термосе – шиповник! Чтобы весь выпила, я завтра еще принесу. Специально второй термос купила.

– Оксана! – почти простонала Юля. – Матвей!

– Ты ешь, а я рассказывать буду.

Юля, оставив попытки возражать Оксане, взяла ложку и решила, что, дав той выговориться, узнает больше. Так и получилось. Оксана коротко рассказала о том, что случилось. Более подробно Юле рассказал все Матвей, когда на следующий день приехал к ней вместе с Оксаной.

Он в тот день так и не дождался маму на утреннике. Забыв свой подарок и ни с кем не попрощавшись, он прибежал домой, но дверь была закрыта. Свои ключи у него, конечно, были, но они остались в школьном рюкзаке, который сегодня им сказали не брать, ведь уроков не было. Матвей покрутился у двери и решил дождаться маму. Он подумал, что скорее всего она задержалась на работе. Сидя в подъезде, он все больше начинал бояться. А если она совсем не придет? Часы на руке давно дали понять, что что-то не так.

Анжелика Петровна вышла с Тяпой и удивленно подняла

тонкие бровки:

– Матвей! Что ты здесь делаешь?

– Маму жду.

– Странно! Почему же ее до сих пор нет?

– Я не знаю.

– Ну жди, жди! – Анжелика Петровна спустилась вниз.

Еще несколько соседей прошли мимо туда-сюда, задав те же самые вопросы, но спеша по своим делам, никак не отреагировали на то, что мальчик уже совсем замерз, а время на часах приближалось к десяти вечера.

Анжелика Петровна вернулась с прогулки и спросив, не появилась ли Юля, покачала головой:

– Ну, как так можно? Хотя бы предупредила. Ведь есть же телефон!

Она вошла в квартиру и закрыла дверь. Матвей сидел и слушал, как в их квартире тихо поскуливает Грей, который слышал его голос, но совершенно не понимал, почему дверь не открывается, а маленький хозяин не спешит домой.

Оксана в тот вечер засиделась с подружками и домой вернулась уже после одиннадцати. Напевая, она вышла из лифта и промаршировала к своей двери:

– Дом, милый дом! – она пыталась попасть в замок ключом и смеялась, удивляясь, почему у нее не получается.

За спиной вдруг раздался громкий лай из-за двери соседей, и она повернулась, приложив палец к губам.

– Тихо, ты! Разлаялся!

Хмель мгновенно слетел с нее, когда она увидела при-
ткнувшегося на ступеньках Матвея.

– Матвейчик! Ты что здесь делаешь?

Наплакавшийся и донельзя замерзший мальчик приот-
крыл глаза.

– Окси, мама...

– А, ну! Вставай! Живо! Ты весь ледяной!

Ключ вошел в замок мгновенно и Окси потащила Матвея
в ванную. Открыв горячую воду, она содрала с него одежду
и засунула мальчика под душ.

– Грейся! Я сейчас!

Метнувшись на кухню, она включила газ под чайником и
распахнула створки шкафчика.

– Точно помню, что был! Чтоб тебя! Где?!

Мед нашелся на самой верхней полке.

Отогревшийся Матвей сидел на кухне, укутанный в теп-
лый халат Оксаны и пил горячий чай, заедая его бутербро-
дами, а она звонила по больницам.

– Не дрейфь, Матвей! Найдем мы твою мамку!

И она ее нашла. Выяснив что и как, Оксана уложила Мат-
вея спать и, поразмыслив, набрала телефон бывшего парня.

– Костик! Да не ори, зачем ты мне сдался?! У тебя там
ребята были знакомые, которые в машинах двери открывали
хозяевам. А обычную дверь они так могут?

Через час Оксана уже болталась на конце поводка, едва
успевая за Греем, который тащил ее к собачьей площадке.

– Ну и троглодит он у тебя, Юлька! Это ж надо столько жрать! Лучше еще парочку пацанов завести, как Матвей, чем кормить эту зверюгу! Но, ласковый! Я ему за ушами чешу, а он как кот, аж млеет! – Оксана так заразительно хохотала, что все в палате начинали невольно улыбаться.

– Оксана! Спасибо тебе огромное! – Юля сжала руку соседки.

– Ой, да перестань! Глупости какие! Ты выздоравливай, давай! А то я еще немножко подумаю-подумаю и Грею у тебя заберу насовсем. Хоть какой мужик в доме. Пусть и прожорливый!

Юля с сыном переглянулись и рассмеялись.

– Даже не думай!

– Ну вот! Жадины! – Окси складывала в сумку опустевшие банки и вдруг приосанилась. Юля удивленно глянула на дверь и улыбнулась.

– Андрей Валентинович!

– Добрый день! Только добрался до вашей палаты. Как самочувствие?

Оксана шагнула к врачу, взяла его под руку и потянула за собой в коридор.

– Доктор, что вы у нее спрашиваете? Вы у меня спросите. Нормальное. Но, это же она так говорит, а как на самом деле – только вы мне сказать можете. Расскажите мне все! Только очень подробно! Я так за нее волнуюсь!

Ошалевший от напора врач вышел вслед за Оксаной в ко-

ридор, а вся палата зашлась от смеха.

— Ох, и бойкая же девица! — утирая слезы говорили женщины. — Такая своего не упустит. Юль, сестра твоя?

— Подруга. И очень хороший человек. — Юля прижала к себе сына и взъерошила ему волосы. — Как вы там?

— Весело, мам. Разве с Оксаной по-другому может быть? Юля провела в больнице немало времени. Две операции и долгий период восстановления, но и это, наконец, закончилось. Ее выписали.

— Юлька, куда ты полезла? Тебе же нельзя! — Оксана, войдя в комнату и увидев, чем занимается подруга, ухватилась за табурет, на котором стояла Юля и шикнула на Грея, который тут же облизал ей лицо. — Уйди, оглоед! Теперь тебя хозяйка кормит, так что нежности свои можешь при себе оставить! Фу! Обслюнявил меня всю! Юлька, слезай уже, а то он меня доест!

Юля разобралась с последними крючками на портъере и осторожно слезла с табурета.

— Чего ты панику наводишь? Мне теперь инвалидом до конца дней своих ходить? Я в порядке!

— Ага! В порядке она! Потом еще пару переломчиков полечим! Дались тебе эти занавески!

— Дались! От пыли дышать уже нечем. Да и вообще, я скоро на стенку полезу от безделья. Надо на работу выходить, пока не свихнулась окончательно.

— Успеется! — Оксана плюхнулась на табурет и лукаво гля-

нула на соседку. – Помнится, кто-то говорил, что надо дом еще в порядок привести. А там работы полно, так?

– Так. – Юля подозрительно прищурилась, не понимая пока, куда клонит Оксана.

– И помнится, ты говорила, что там есть настоящая баня?

– Вон оно что! Оксан, она-то там есть, но я отродясь баню не топила и понятия не имею, как это делается.

– Зато я знаю! И страшно соскучилась по нормальной парилке. Юль! – Оксана сложила руки и умоляюще глянула на подругу. – Поехали, а? Выходные же. Я тебе убрать помогу, а потом баню затопим. И Матвею понравится. Я веники куплю. Где еще можно надрать зад хулиганистому ребенку не получив претензий, как не в бане? А он заработал!

Юля вздохнула. Оксана была права. За последние две недели Матвея как подменили. Два разбитых стекла в школе, куча замечаний от учителей. На вопросы матери Матвей лишь хмурился и отмалчивался. Юля видела, что сыну стыдно, но не могла добиться причины. Она уже думала попросить Оксану поговорить с мальчиком, ведь за то время, которое Юля провела в больнице, эта парочка сумела найти общий язык. Виделись они сейчас нечасто, так как Оксана устроилась на новую работу и пропадала там с утра до ночи, лишь изредка забегая к подруге. Ну что ж! Вот и будет повод.

– А, поехали! Матвей! – Юля позвала сына, который открыв двери Оксане, снова ушел в свою комнату.

– Что?

– Завтра поедem в дедушкин дом. Хотим в бане попариться. Ты с нами? Или папе позвонить, останешься у него на выходные?

Матвей задумался, а потом решительно кивнул.

– С вами.

Взяв Грея за ошейник, он вышел из комнаты, а Оксана повернулась к Юле.

– Что за новости? Мне показалось, или он не слишком оценил идею насчет папы?

– Не показалось. Не хочет почему-то с ним видаться последнее время. Чуть не из-под палки отправляю хотя бы на час в выходные.

– А что случилось, спрашивала?

– А как ты думаешь? Молчит. Мне вообще кажется, что он мне ничего лишнего рассказывать не хочет. Проболтался только, что отец приказал меня не беспокоить сейчас.

– А ты и рада? Ну, ты даешь! Я бы уже все вытрясла из него! Что это еще за новости?! Приказал не беспокоить! Ты ему мать или где? Ладно, я сама с ним поговорю. Может мне больше скажет.

– Окси, поговори, а? Я уже не знаю, что и думать. Больница эта клятая! Ребенка моего как подменили! Он никогда от меня ничего не скрывал.

– Привыкай, матушка! – рассмеялась Оксана. – Растет парень! Или ты думала, что всю жизнь будет под твоей юбкой сидеть? Какие-то проблемы у него, которые решать он дума-

ет сам. Пусть решает. Он же не барышня.

– Оксан, да при чем здесь это! – Юля устало опустилась на диван. – Мне бы понять, что у него случилось.

– Внесем ясность! – Оксана решительно подхватила вторую портьеру и залезла на табурет.

– Чего уселась? Иди, держи! Где только ткань такую отыскала? Красивая, зараза, но такая тяжелая!

Они закончили с портьерами, и Оксана ушла. Юля накомила своих «мужчин» и решила, что лучше собрать вещи сейчас, чем бегать по дому утром. Голова у нее всегда к вечеру соображала лучше, чем сразу после сна. Складывая в сумку одежду для себя и сына, она думала о том, что это будет первая поездка туда с тех пор, как не стало отца. Наследство она оформить успела, а вот до дома так до сих пор и не доехала. Да и решить, что делать дальше с ним никак не могла. С одной стороны – дом был в пригороде и даже если возить Матвея в школу, выходило не так далеко и долго, а с другой, Юля понимала, что это не квартира и ухаживать за таким жильем будет в разы сложнее.

– Мам, а Грея вывести?

– Ой, что-то я задумалась! Одевайся!

Юля спохватилась. Выйдя в коридор, она увидела, что Грей сидит у двери.

– А ты чего? Не мог сказать, что пора? Уселся! – Юля потрепала собаку за ушами и сунула ноги в кроссовки. – Матвей! Мы ушли!

– Я тут! – Матвей выскочил из комнаты и забрал из рук матери поводок.

– Раз все тут, давайте на выход! – Юля открыла дверь и нос к носу столкнулась с Анжеликой Петровной.

– Ой, Юля, а я к вам! Добрый вечер!

– Добрый. – Юля выпустила Грея с Матвеем на лестничную клетку и спросила. – Вы что-то хотели?

– Да! У меня завтра юбилей. Вот, хотела попросить вас за Тяпочкой присмотреть. Я на два дня уеду к сестре. А у нее аллергия на собак.

– Вы меня извините, Анжелика Петровна, но не в этот раз. Мы тоже уезжаем на выходные из города.

Соседка поджала губы, но Юля уже заперла дверь и махнула сыну.

– Давайте по лестнице, а то лифт ждать долго.

Они шли по вечерней улице и Юля поглядывала на сына. Ей казалось, что за те месяцы, что она провела в больнице, Матвей очень изменился, стал взрослее.

– Сынок, а почему ты не захотел к папе ехать? – Юля обняла Матвея и придержала поводок Грея. – Не беги, мне пока сложно так быстро.

Матвей сбавил шаг.

– Просто захотел с тобой.

Юля видела, что сын лукавит, но углубляться в тему не стала. Может быть на выходных будет более разговорчив? Матвей явно что-то скрывал, но вот что именно, она понять

не могла.

Вернувшись домой, Юля отправила Матвея спать и взяла телефон, который забыла дома, когда выходила. Ого! Три пропущенных и куча сообщений. Она набрала номер Михаила.

– Ты звонил?

– Почему не отвечала.

– С собакой гуляла, а телефон дома остался. Что ты хотел?

– Юль, как ты посмотришь на то, чтобы завтра махнуть куда-нибудь на выходные и Матвеем? Всем вместе.

– Никак.

– А что так? – голос Михаила сменился с веселого на недовольный. Юля грустно улыбнулась. Никогда не умел принимать отказы.

– Мы завтра едем в дом отца. Надо порядок там навести.

– Придумала! После больницы? Ты еще толком не восстановилась. Я тебе клининговую компанию целую найму, если надо.

– Это я и сама могу. Спасибо! Нет, Миша, я хочу сама там все убрать. Без чужих людей.

– Ясно. – Юля поняла, что Михаил недоволен. – А Матвей?

– Сказал, что со мной хочет.

– Понятно. Ладно, поезжайте.

Юля поморщилась. Снова выданное разрешение, в кото-

ром она совершенно не нуждалась. Последнее время Михаил вел себя странно. Непонятные претензии и запросы сыпались на Юлю чуть не каждый день. Матвей провел у отца всего неделю пока Юля была в больнице. Командировка Михаила затянулась и, вернувшись в город, он тут же забрал сына от Оксаны, не слушая ее возражений. Грей остался у нее. Но, Матвей попросился домой в тот же день, как выписали Юлю.

– Давай, он еще у меня побудет? Тебе же тяжело будет сейчас за ним ухаживать? – Михаил пытался уговорить Юлю, но та, глянув на сына, который решительно замотал головой за спиной отца, отказалась.

– Матвей не младенец. На ручках носить его давно не надо. Мы справимся.

– Да, пап! Мы справимся! – Матвей протянул ладошку отцу и прижался к матери.

– Да как скажете. Если что нужно будет – звони. – Михаил сердито нахмурился и пожал руку сыну.

Утро выдалось солнечным и на удивление теплым.

– Погода – просто чудо сегодня, да, мальчишки? – Юля распахнула окно на кухне и подвинула сыну корзинку с булочками. – Ешь как следует! Сам ешь, а не Грею скармливай. Ему вредно. Скоро будет как колобок. Следующая кормежка будет нескоро. И постарайся сегодня с ним побегать там хорошо. Мало времени проводит на улице.

Матвей молча кивнул. Звонок заставил Юлю вздрогнуть.

– Кто так рано?

Открыв дверь, она еле увернулась от сухого пока веника.

– Эх, веничек дубовый-березовый! Держись, подруга, буду сегодня хворь из тебя выгонять окончательно!

– Ничего себе угрозы! – Юля рассмеялась и отобрала у Оксаны веники и сумку.

– А чего вы еще не готовы? Вечно возитесь! Я бы еще и накраситься успела! А так поеду страшная. Там мужики-то приличные есть?

– Оксана! – простонала Юля. – Ты – неисправима!

– Вот ты интересная! Мне замуж надо или как? Тебе хорошо, ты туда уже сходила! И не просто сходила, а вон какого себе парня там наделала! – Оксана взлохматила волосы на макушке Матвея. – Мне тоже такого надо! Или девочку. Будет тебе, Матвей, невеста!

Матвей до этого улыбавшийся во весь рот, вдруг нахмурился и вывернулся из-под руки Оксаны.

– Я пошел одеваться.

– Чего это он? – Оксана проводила мальчика взглядом и, ухватив его чашку, допила оставшийся чай. – А пожрать есть чего? Я не завтракала.

Юля доделала бутерброды и поставила тарелку перед подругой.

– Ешь! – она стряхнула крошки со стола и пожала плечами. – Не знаю, Оксан, я ж говорю, он сам не свой последнее время.

– Значит, надо выяснить! – Оксана набила рот и потянулась за заварочным чайником. – Колбаска вкусная! С собой возьми.

Через час они уже катили по дороге в поселок, прикидывая, что им нужно будет сделать. Подъехав к дому, Юля на секунду закрыла глаза. Все-таки как же жаль, что приехала она сюда сейчас, а не год или два назад. Если бы отец был жив... Она вздохнула и повернулась к Матвею.

– Пойдем?

– Мам, а там никого нет?

– Нет, сынок. Галина Ивановна давно уехала, а больше там никого.

Она открыла дверцу и поманила Грея.

– Иди!

Собака выпрыгнула на землю и замерла. Принюхавшись, Грей тихонько заскулил.

– Понимаю, мальчик, но его здесь больше нет. – Юля погладила пса. – А мы есть.

В дом Грей заходить отказался. Матвей с трудом заманил его на веранду.

– Мам, а почему он так себя ведет?

– Ему грустно, сынок. Ведь хозяина больше нет. Не знаю, понимает ли Грей что-то, но он и в прошлый мой приезд был не в доме. Галина Ивановна говорила, что ушел сразу, как не стало папы.

– Можно, я тогда с ним в сад пойду?

– Нужно. Идите. Если поиграешь с ним – будет хорошо. Только мне кажется, что вряд ли он захочет.

Через полчаса Юля выглянула в сад и увидела, что Матвей сидит на стареньких качелях, а Грей лежит рядом, уткнув нос в лапы. Она вздохнула и вернулась в дом, где уже всю хозяйничала Оксана.

– Юлька, ты капиталистка! И квартира у тебя, и дом какой большой! – Оксана спустилась по лестнице, которая вела на второй этаж. – Только вот чего тут убирать надо, я не пойму. Пыли немного есть, а в остальном...

– Галина Ивановна постаралась. Все в порядок привела перед отъездом.

– Вот и молодец! Спасибо ей большое! А где баня? Надо посмотреть, что там и как.

– Кажется, за домом.

Оксана удовлетворенно хмыкнула, увидев небольшую крепкую баньку, которая стояла на берегу речки.

– Молодец твой папка был. Хозяйственный мужик!

– Я его не знала...

– Почему люди такие странные? – Оксана сняла темные очки и подставила лицо солнцу, сидя на теплых досках настила у бани. Ноги она свесила вниз и чуть вздрагивала, когда прохладная еще вода касалась ступней. – Пока можно – не общаются, а потом уже и не с кем. Глупо...

Юля вздрогнула. Именно эти мысли были у нее самой, когда она в слезах прощалась с отцом, предъявляя ему счет за

всю свою жизнь, которая прошла без него.

– Ладно, подруга, что ты скисла-то? Две молодые, красивые и ни одного мужика на километр вокруг, чтобы баню вытопить. Значит, придется самим.

– А ты умеешь?

– Я же говорила.

– А откуда знаешь, как?

– Юль, а почему ты раньше про меня ничего не спрашивала? Мы вроде не первый день знакомы. Неинтересно было?

Юля смутилась. Оксана была права. Как-то за все это время Юля ни разу не спросила, откуда она или кто ее родители.

– Стыдно? – Оксана со смешком заглянула в глаза Юле. – Ой, да ты краснеть не разучилась! Это хорошо! Надо было сразу меня пытаться, а то может я мошенница какая.

– Ой, ну тебя! – Юля отмахнулась от подруги и тоже подставила лицо солнышку. – Не умею я так быстро в душу влезть.

– Это намек, или я не так поняла? – Оксана подбоченилась. – Второе тебя спасет от ответственности!

– Мир! – Юля подняла руки вверх и посмотрела на подругу. – Расскажешь?

– А нечего особо. Хотя, если подумать, про мою жизнь можно книжку написать или кино снять. Сильно чувствительное.

– Почему?

– Ну, классика жанра: бедная сиротка, никому не нужная,

сама выводит себя в люди.

– Так ты сирота? – ахнула Юля.

– Почти. Родителей моих прав лишили, когда я маленькой была.

– А за что?

– А за то, что я чуть не отправилась на небушко по их милости. Сидела бы сейчас на облачке и поплевывала на макушки.

– Оксан, что ты такое говоришь?!

– Что есть, то и говорю. Мне года не было, когда мои веселые папа с мамой напились и выставили меня в коляске на мороз двадцатиградусный, чтобы не мешала честной компании. Если бы не соседка, я бы здесь сейчас не сидела. Она вечером с фермы шла и коляску у нас во дворе увидела. Удивилась. И решила свой нос любопытный, за который я ей сильно сейчас признательна, туда сунуть. Я уже даже не синяя была. Еле откачали.

Юля слушала, затаив дыхание, и глаза у нее темнели все больше и больше.

– А потом?

– А потом меня забрали в детский дом. Там я и выросла. Никто меня брать не захотел.

– Почему? Ты же маленькая была.

– Наследственность, Юль. И вот это. – Оксана подняла ногу и только сейчас Юля заметила то, что ни разу не бросилось ей в глаза. На ногах у Оксаны не хватало пальцев. Двух

на правой и одного на левой.

– Отморозила. А все хотят хороших и здоровых детей.

– А родственники? У тебя кроме родителей был кто-то?

– О! Полно! Бабушки, дедушки, тетки... – Оксана нахмурилась.

– И никто? – охнула Юля.

– Никто. У всех свои проблемы были. Это уже потом, когда мне пятнадцать исполнилось, за мной приехала бабка по отцу. Забрала меня. Но, не для того, чтобы мне хорошо было. Дед болел, а она уже не справлялась. Вот тогда я всему и научилась. И как хозяйство вести, и как баню топить, и как... Но, об этом не будем.

– Оксан... – Юля обняла подругу за плечи. – Как же тебе удалось?

– Что?

– Вырасти таким хорошим человеком?

– А я хороший человек, ты считаешь? – Оксана пытливо посмотрела в глаза Юле.

– Лучший из всех, кого я знаю. – Юля кивнула.

– Спасибо высокому жюри за такие оценки! – пробормотала Оксана, пряча глаза. Но, тут же вскинулась и усмехнулась. – Вот до чего ты меня довела, а? Мало нам одного нытика в виде тебя, надо еще меня такой же сделать? Не дожدهшься! – она вскочила на ноги. – Я есть хочу! И фиговая же ты мать, если про ребенка ни разу не вспомнила.

– Он с Греем в саду.

– Так может они тоже жрать хотят. Пошли кормить!

– Пошли!

Обед затянулся. Они сидели на веранде, распахнув окна и ели окрошку, которую привезла Оксана. Грей лежал на ступеньках и к миске своей даже не притронулся.

– Скучает... – Оксана отложила ложку и подошла к собаке. – Ну-ка!

Она зачерпнула в ладонь каши и поднесла к морде Грея. Собака посмотрела на нее удивленно.

– Гипнотизировать меня будешь или есть? И не надо мне рассказывать, какой ты несчастный. Я и так это знаю. Только есть все равно надо, понял? Хозяина ты не вернешь, а новые тебя потеряют.

Грей внимательно слушал то, что говорила ему Оксана и Юля удовлетворенно кивнула, когда он начал есть.

– Ты только не привыкай, понял? – Оксана подтолкнула миску с кашей поближе. – Хорошенького помаленьку. Дальше сам!

Юля собрала тарелки и ушла на кухню, а Оксана, взяв свою чашку с чаем, свалилась на диванчик, который стоял на веранде и похлопала ладонью по старенькому покрывалу.

– Иди сюда! Разговор есть!

Матвей нахмурился.

– Пытать будешь?

– Наговариваете на меня! И не стыдно? Еще ж не начинала!

Матвей плюхнулся рядом и засопел.

– Кончай пыхтеть! Рассказывай!

– Что?

– Все! Ты за кого меня держишь? Думаешь я не вижу?

Матвей вздохнул.

– Я не знаю, как рассказать.

– А ты начни сначала.

– Сначала... Тогда это будет тогда, когда папа меня к себе забрал.

– И что случилось?

– Да сначала ничего. – Матвей пнул стоящий рядом стул и фыркнул. – Окси, а может быть у мужчины сразу две женщины, которых он любит?

– Ничего себе вопросы! Не знаю, может быть и может.

– А три?

– А гарем? – Окси рассмеялась.

– Это что такое?

– Не вникай. Потом расскажу. А почему ты спрашиваешь?

– Понимаешь... вот у меня в классе была Полина. Я с ней дружил.

– И?

– А потом появилась Катя. И я стал дружить с ней. А Полина мне не разонравилась...

– Проблема.

– Еще какая!

– Так ты из-за этого, герой, стекла бил и вытворял что

попало?

– Да... Нет... Я не знаю! Окси, ну хоть ты меня пойми!

– Да я пытаюсь, только пока слабо выходит! Понравиться хотел? Поэтому клоуном работал?

Матвей вздохнул.

– Так, с этим разобрались. А почему такой мрачный ходишь? Любовь – это прекрасно! А дамы-то твои взаимностью отвечали?

– Да лучше был не отвечали! – Матвей еще раз сердито пнул стул.

– Мебель не ломай! Что так?

– Они обе, Окси, понимаешь? Я им обоим нравлюсь.

– Обеим.

– Что?

– Обеим надо говорить. Так ты из-за этого злой и нервный?

– Нет...

– А что тогда?

– А ты маме не скажешь?

– Ну, знаешь! Смотря что! Если ты мне скажешь, что куришь за углом, то подумаю и скорее всего не скажу, сама всыплю, а если то, что ты решил ограбить банк – скажу, конечно, но опять же сначала сама накостыляю.

– Это вообще не про меня.

– А про кого?

– Про папу.

Оксана нахмурилась и оглянулась. Юля гремела посудой на кухне.

— А что с папой, Матвей? Хотя... Погоди, дай я догадаюсь. Ты меня поэтому про гарем спрашивал?

— Ага. — Матвей вздохнул.

— И сколько их у него?

— Трое.

Оксана поперхнулась чаем и отставила кружку.

— А откуда ты знаешь?

— Они приходили. И что-то готовили, убирали, гладили ему рубашки. И, знаешь, что?

— Что?

— Они точно думали, что больше никого нет.

— Ну еще бы! — Оксана почесала макушку и вдруг рассмеялась.

— Ты чего?

— Папка у тебя знатный!

— В смысле?

— В смысле — выводы делай!

— Я и делаю...

— Поэтому так мечешься со своими барышнями?

— Да. Я думаю, что так нечестно. По отношению к ним нечестно. Они же тоже друг про друга не знают.

— И упаси тебя, если узнают! — Оксана обняла Матвея и чмокнула в макушку. — Тогда достанется тебе по полной программе. Нет страшнее обманутой женщины, Матвей! Поэтому

му или бросай обеих, или выбирай одну. Понял?

– Да я-то понял. Сложно это только.

– Ну, а как ты хотел? В любви просто не бывает, друг мой! Слушай, а почему ты маме ничего не рассказывал?

– Папа просил.

– Зачем?

– Сказал, что помириться хочет. Окси, я не хочу, чтобы они помирились.

– О, как! Почему?

– Потому, что мама станет четвертой...

Оксана крепче прижала к себе мальчишку.

– Знаешь, я думаю, что мама имеет право знать. Хочешь, я с ней поговорю?

– Да. – Матвей облегченно выдохнул и уткнулся носом в шею Оксаны. – А ты думаешь, ей уже можно?

– Что?

– Ну, нервничать?

– А кто сказал, что она будет нервничать? – Оксана забарахталась, пытаясь встать с дивана. – Это ж надо столько жрать?! Все природа виновата! На воздухе всегда так! Как не в себя... Уф! – она встала, потянулась и подмигнула Матвею. – Не переживай, все будет в лучшем виде!

– Ты меня пугаешь! – Матвей тоже поднялся и, поманив за собой Грею, ушел в сад.

Оксана поразмыслила и решила отложить разговор. Зачем портить такой хороший день?

Вечером они распаренные и довольные сидели на веранде и пили чай. Матвей давно спал набегавшись. Грей лежал у ног Юли, положив морду на ее тапочку и время от времени поднимал голову, прислушиваясь к тому, что происходило на участке.

– Вот такие дела, Юль. Поэтому Матвей тебе ничего и не рассказывал.

– Бедный! И все это время думал ходил.

– Ничего, пусть к жизни взрослой привыкает. – Оксана протянула кружку Юле. – Плесни мне горяченького. Слушай, а ты сама что думала? Мириться или нет?

– Не знаю, Оксан. Скорее нет, чем да. Я понимаю, что Матвею отец нужен. Но, жить с Мишей только ради ребенка... Оксан, не смогу.

– Да и не надо! Какой смысл, если тебя будет каждый раз с души воротить от его походов? Или Матвею будет так лучше? А то, что он все это будет видеть? Не, ну я тебя умной считала!

– Спасибо! – Юля невольно рассмеялась.

Грей вдруг поднял голову и прислушался.

– Что там? – Юля повернулась, пытаясь понять на кого ворчит собака. – Тихо!

Пес замолчал и в тишине они вдруг услышали чьи-то тяжелые шаги. Причем, ходил этот кто-то в доме.

– Мама... – пискнула Юля и побледнела. С того места, где она сидела, ей была видна открытая дверь в комнату, где

спал Матвей и он сам, раскинувшийся на кровати.

Оксана тихо встала со стула и вытряхнула из массивной вазы на тонкой ножке конфеты. Покрепче ухватив ее, она включила фонарик на телефоне и отвесила пинка Грею:

– Тоже мне, защитник! – прошипела она. – Такой здоровый, а толку никакого! Фас!

Грей посмотрел на Оксану, поднялся с места и пошел за ней. Юля вскочила и, покрутив головой по сторонам, ухватила кочергу, которая непонятно откуда взялась на веранде. Они тихо крались по дому, пытаясь понять, откуда слышен звук.

– Юль! – шепнула Оксана и показала пальцем на потолок. Кто-то ходил по комнатам на втором этаже.

– Я туда не пойду! – Юля замотала головой, готовая прямо сейчас схватить Матвея и бежать из этого дома.

Оксана закатила глаза и еще раз придав ускорения Грею, пошла вслед за ним по лестнице. Юля замерла внизу, прислушиваясь. И тут начался совершенный хаос. Залаял Грей, заорала Оксана, упало и разбилось что-то наверху. Юля метнулась в комнату, в секунду укутала в одеяло Матвея и вылетела на крыльцо.

– Мам? – сонный Матвей открыл глаза и удивленно моргнул. Секунду спустя он крутанулся в руках матери и соскользнул на ступеньки, пытаясь выпутаться из одеяла. – Ты чего?! Тебе нельзя тяжелое поднимать!

– Быстро в машину! – Юля подтолкнула сына, и оберну-

лась. – Оксана!

Шум наверху стих и по лестнице зацокали когти Грея. Собака вышла на крыльцо и прижалась к ногам Юли.

– Что там, Грей? Оксана!!!

– Чего ты орешь? – спокойный и какой-то насмешливый голос Оксаны раздался сверху. Она спустилась, неся в руках что-то, завернутое в покрывало с кровати. – Вот он, твой коварный злодей!

Она тряхнула покрывало над дорожкой и сердито фыркающий еж затопал в кусты малины, что росли у забора.

Юля минуту смотрела, как он удаляется по своим делам, а потом рухнула от смеха на ступеньки.

– Ага! Вот так люди и познаются! – Оксана, уселась рядом и потянула к себе Матвея. – Я значит, ловить злодея, а она...

Юля хохотала, уткнув лицо в колени.

– Окси, а она меня спасала! – Матвей гордо глянул на маму, которая никак не могла успокоиться. – На руки схватила и вынесла сюда.

– Замечательно! Швы тебе твои не понравились после операции? Ничего, новые будут лучше! Новые будут красивее!

– Ох, Оксанка, не заводись! Хорошо меня заштопали, ничего не разошлось нигде. Я в порядке. – Юля вытерла выступившие слезы. – Нет, ну это надо? Ежик! А я уже себе напридумывала...

– Бабушка моя говорила: «Дурак думками богатеет!» –

Оксана потрепала по загривку Грея. – А еще говорила, что если жизнь сильно уж достанет, то надо всем своим горестям махнуть рукой и послать их.

– Как? – Матвей оживился и Юля погрозила ему пальцем.

– А вот так! – Оксана подняла руку повыше, махнула ею и крикнула вполголоса, – идите в баню!

Юля выдохнула и кивнула подруге, повторив ее жест.

– Идите в баню!

Матвей засмеялся и поднял обе руки.

– Идите в баню!

Они сидели на крыльце, махали руками и вопили. Посылая свои настоящие и будущие проблемы в путешествие в эту самую таинственную баню, где тем предстояло отмыться, все трое думали о том, что это самый лучший вечер за последнее время. И что бы не случилось, пока есть они друг у друга – все будет хорошо! И баня эта затопится, и беды в ней отмоются, а на смену им придет что-то другое, но точно хорошее.

Просто так случилось

– Вера Ильинична, зайди, пожалуйста, в пятую. Там очередной сложный случай. Чашку расколотила, кричит уже час как.

– Сейчас, Машенька, только полы здесь домою и пойду.

– Спасибо большое! А потом зайди ко мне, чайку попьем.

– Про Илюшку расскажешь?

– Да! Поступил он. Ну, потом поподробнее, у меня еще одна операция, а потом бумажки, там и поговорим.

– Хорошо!

Вера Ильинична отжала тряпку и продолжила мыть пол в коридоре роддома, где работала уже без малого двадцать лет. Работала простой санитаркой, но это не мешало ей быть чуть ли не достопримечательностью роддома. Новый главврач, который был не в курсе, сначала даже не понял, почему в сложных случаях, когда роженицы или родившие только что мамочки, начинали вести себя странно, бегут искать Веру Ильиничну.

– Она что, врач? Или экстрасенс? Почему ее?

– Нет, Макар Семенович, санитарка.

– Санитарка?! Ничего не понимаю.

– Поработаете немножко – поймете! – улыбнулась Мария Михайловна, ведущий хирург, а по совместительству заместитель нового главврача.

Вера Ильинична домыла полы в коридоре, тщательно вымыла руки, сменила халат и пошла в пятую палату. Возмущенный голос молодой женщины был слышен даже в коридоре, хотя роддом был старый и звукоизоляция была вполне приличной. Одни двери чего стоили! Двойные створки, толстые чуть не в руку, деревянные. Сейф, а не двери. Каждый год роддому обещали ремонт, но пока так и не собрались. И поэтому пока, закрыв двери в палату, можно было рассчитывать на то, что звуки извне будут проникать туда-обратно очень приглушенно. Но не в этот раз.

Вера постояла под дверью, послушала, о чем речь, а потом решительно открыла двери:

– Доброе утро, мои хорошие! Что это вы расшумелись? Басней наслушались, что детки не слышат ничего в этом возрасте? Так, как вы кричите, разом слух прорежется. Ой, да какие же красавцы! – безошибочно она определила, что в кюветках лежат мальчишки. – Просто богатыри! Это твой? – Вера показала на малыша, который готовился проснуться и уже начал шевелить кулачками.

Встрепанная высокая молодая женщина удивленно посмотрела на это явление полутора метров ростом, которое властно прервало их перепалку с соседкой по палате и теперь ждало ответа на вопрос.

– Мой!

– Вижу, что твой. Красавец! Молока мало?

– Откуда вы знаете?

– Тоже мне, секрет. Иди сюда! – Вера подошла к кровати и похлопала по ней. – Садись! Бери своего красавчика, воот так. А теперь поверни его чуть. Да не бойся и запомни – мать ребенку плохо не сделает, а дети прочнее, чем кажутся, поняла?

– Да... – девушка ошеломленно смотрела на Веру и машинально выполняла все указания. Через минуту малыш зачмокал, а она охнула. – Ой!

– Что, тянет?

– Ага! Раньше так не было.

– Захват неправильный был. А теперь поняла, как?

– Да, спасибо!

– Ну, корми! Умничка! – Вера повернулась к другой женщине, постарше, которая тоже пристроила ребенка к груди и молча наблюдала. – Второй?

– Третий! И опять парень! А я девочку хотела.

– Значит придешь еще! Молодая, красивая, здоровая, дети вон какие отличные получают.

– Это я не скоро решусь! – засмеялась женщина и моментально лицо у нее поменялось, на щеках заиграли добродушные ямочки.

– Из-за чего поцапались-то? – Вера окинула взглядом мирную картинку, которая воцарилась в палате.

Женщины переглянулись и дружно прыснули, тут же зашикав, потому что малыши возмущенно вздрогнули хором и выпустили грудь.

– Не знаю! – удивленно протянула молодая. – Простите!

Что-то меня понесло не туда.

– И ты меня извини. Привыкла мужиками командовать.

– Так у вас двое! Конечно, глаз, да глаз!

– Какие двое? Трое! Муж же еще! Теперь вот – четверо.

Точно свихнусь!

Женщины дружно тихонько рассмеялись, и Вера погрозила им пальцем:

– Не ругайтесь! Весь роддом переполошили.

Она вышла из палаты и пошла за ведром, чтобы убрать разбитую чашку и вытереть пролитый чай.

– А это кто? Врач?

– Не знаю. Но судя по тому, что строгая, наверное.

Они дружно открыли рты, когда Вера Ильинична молча вошла в палату, вытерла пол и убрала осколки.

– Чаю-то сделать тебе еще?

– Спасибо, я сама, как покормлю... А, как вас зовут?

– Вера Ильинична. Будет нужно чего – зови.

Обе женщины проводили удивленными взглядами санитарку и, переглянувшись, занялись детьми.

А Вера пошла в кабинет Маши, чтобы выпить, наконец, чаю и расспросить о крестнике, который поступил в университет в Москве.

– Верочка! Заходи! – Маша стояла у стола, доставая из шкафчика чашки. – Вовремя ты. Ну что, уладили?

– Да нечего было! Так, нервы шалят у мамочек.

– Ну, не скажи! У всех же по-разному шалят. Вспомни хоть жену этого большого начальника, кто он там был... Забыла. Которую ты с подоконника снимала.

Эта история стала притчей во языцех. Когда Макар Семенович узнал о случившемся, просто схватился за голову:

– Да как так?! Почему санитарка? Где были психотерапевт и прочие?

– А не было никого рядом сразу, а она в палате полы мыла.

То, что случилось тогда, перепугало всех, только не Веру Ильиничну. Это потом Маше пришлось плясать камаринского с капельницами. Про таких людей как Вера, говорят, что у них «отложенный старт». На стресс реагируют не сразу, а позже. Возможно, именно благодаря этой ее особенности остались живы и мать, и ребенок.

Молоденькую Олю привезли в роддом целой делегацией. Мать, отец, свекры, муж, сестра мужа, какие-то еще люди. Оля испуганно охала и мычала на каждую схватку, а со всех сторон слышала только:

– Терпи! Уже скоро! Все так рожают!

Ей хотелось закричать, что она же не все, ей больно, очень больно.

– Я не хочу... – прошептала роженица.

– Что? – строго глянула на нее мать. – Чего ты не хочешь?

– Рожать... Мне страшно!

– Ольга, ты совсем уже? Страшно ей! – возмущенно фыркнула мама и Оля сжалась, потому что знала, что за этим

последует.

Мама строго глянула на дочь и повернулась к врачу, который принимал Ольгу:

– Никакой анестезии! Вы меня поняли? Абсолютно естественный процесс и не иначе! Нам нужен здоровый ребенок!

Ольгу выдали замуж так, как в наше время уже, наверное, и не бывает. Просто поставили перед фактом:

– Виталий Сергеевич прекрасный человек. Ты ему понравилась.

– Но, мы же даже незнакомы, мама.

– Это не имеет значения! Ты должна доверять нам с папой! Мы хотим для тебя самого лучшего!

Эту фразу Оля слышала всю свою жизнь. Она огромными гвоздями была забита в ее сознание с самого малолетнего возраста и исключала всякие возражения. Олечка росла тихим и очень послушным ребенком. А из ребенка постепенно превратилась в безвольную, забитую девушку. Она очень быстро поняла, что любое возражение – это скандал. Нет, мама Оли не устраивала скандалы в общем понимании: с криками и битьем посуды. Она действовала иначе.

– Ольга, ты станешь причиной моей смерти! У меня опять сердце... Боже, как мне плохо! – мама укладывалась на диван с мокрым полотенцем на голове, и все начинали носить-ся вокруг с таблетками, вызывался семейный врач. И все это могло длиться сутками, в зависимости от «тяжести преступления». Но, самый великий скандал случился как раз

тогда, когда Ольга наотрез отказалась выходить замуж за совершенно незнакомого человека. Тогда Оле, которая была в университете, дозвонилась домработница и в истерике крикнула, что хозяйка отравилась. Ольга чуть не попала аварию, пока неслась домой, где застала врача и отца. Мать лежала в своей спальне, тихо стонала, на тумбочке лежал полупустой пузырек с таблетками.

– Мама! – Оля кинулась к матери, но ее остановил полустон.

– Уйди! Я не хочу тебя видеть! Как ты можешь подходить ко мне?! Уберите ее!

Врач, который много лет вел всю семью, только укоризненно покачал головой, но промолчал. Отец вывел Ольгу из спальни.

– Не сейчас! Ты же видишь, в каком она состоянии.

– Папа, она правда...

– Не знаю. Промывание сделали. Пусть отдыхает.

Через три месяца Ольга стала женой Виталия.

Надо признать, что семейная жизнь не стала для нее кошмаром. Но, и радости сильно не доставила. Ольгу как будто заморозили. Она по привычке ходила на лекции, сопровождала мужа на встречах и в поездках. Виталий видел, что жена его не любит, но он-то не был к ней равнодушен. Поэтому постарался сделать так, чтобы Ольга хотя бы изредка улыбалась. И это ему почти удалось. Почти, потому что Ольга обнаружила, что беременна. С самого первого дня в

ней черной плесенью пророс страх того, что она будет плохой матерью. Она боялась с кем-то поделиться своими мыслями. Боялась осуждения, очередного скандала со стороны матери, боялась, что муж ее не поймет. С детства она научилась очень хорошо прятать свои эмоции и сейчас никто не догадывался, что творится в этой прелестной головке с белокурыми кудрями. Только глаза выдавали иногда ее тревогу прежде, чем она успевала взять себя в руки.

– Олюшка, что ты? Плохо тебе? – Виталий, наблюдая за женой, не мог понять, что происходит.

– Нет. Все хорошо. – Ольга улыбалась и успокаивала мужа.

Развязка наступила в роддоме, когда Ольга после затяжных родов, которые длились больше суток, наконец разрешилась крепким горластым мальчишкой. А потом, еще сутки спустя, Вера, зайдя в палату, увидела, что Оля стоит на подоконнике, настежь распахнув окно и держа на руках сына.

Вера замерла на секунду, а потом тихо вошла в палату, махнув рукой сестре на посту и кинув в сторону поста запасную тряпку. Оставалось надеяться, что та поймет.

Вера поставила ведро, спокойно выкрутила тряпку и начала мыть пол. Дужка ведра звякнула и Оля, вздрогнув, обернулась.

– Вы что здесь делаете?

– Пол мою. А ты проветрить решила? Правильно, хорошей мамой будешь, раз понимаешь, что малышу свежий воздух нужен.

– Не буду! – Ольга сорвалась на крик. – Я не смогу!

– Это кто ж тебе такую глупость сказал? – Вера оперлась на швабру и внимательно посмотрела на молодую женщину. Та стояла, вытянувшись в струнку, прижав к себе ребенка и Вера видела в глазах ее такой панический страх, что захотелось прижать к себе эту девочку и не отпускать, защитить ее от всего мира.

– Сама знаю. Какая из меня мать, если я «нет» сказать не могу? Как я смогу ребенка защитить?

– Ну, мне-то ты «нет» только что сказала. Значит можешь. Почему еще думаешь, что не станешь хорошей мамой?

– Не знаю. Мне кажется, что я не смогу о нем позаботиться. Я всегда все делаю неправильно...

– Да прям! – Вера рассмеялась, и отставила в сторону швабру, а Ольга удивленно уставилась на эту маленькую женщину, похожую на сдобный колобок. – Если ты все делаешь неправильно, то как ты могла родить такого отменного мальчишку? Ты курила? – Вера строго сдвинула брови.

– Нет... – Ольга смотрела уже не удивленно, а ошарашенно.

– Пила всю беременность?

– Нет!

– На учете стояла у врача?

– Да!

– Ну! И где ты неправильная?!

– Да я не о том...

– А я об этом. Говорят, что когда кажется, надо перекреститься и все пройдет! Ну-ка, давай-ка попробуй! Давай-давай! Вдруг поможет? Хотя... как ты сможешь, ребенок же на руках. Дай-ка, я подержу, а ты пробуй.

Вера все это время маленькими шажочками подходила к окну и сейчас стояла прямо возле подоконника. Она протянула руки:

– Доверишь мне свое сокровище? Я очень осторожно!

Ольга машинально протянула ребенка Вере. Та взяла на руки малыша и улыбнулась:

– Смотри, какой глазастый! А чьи глаза-то? Ну-ка, покажи мне свои. Нет, так я не вижу. Иди сюда, спускайся! – Вера шагнула назад, к кювету, в который положила малыша. – Хорошие люльки придумали, правда? – она протянула руку Ольге. – Иди ко мне!

Оля оперлась на руку Веры и спрыгнула с подоконника, охнув от боли.

– Рано тебе еще прыгать! Ложись-ка, я сейчас врача тебе приведу! – Вера закрыла окно.

– Не уходите! – Оля села на кровать.

– Как скажешь. Что случилось у тебя, девочка? Мне можно рассказать. Я человек посторонний, через пару дней тебя выпишут, и ты про меня забудешь. А я-то даже не знаю, как тебя зовут.

– Оля...

– А сына как назовешь?

– Не знаю пока. Мне имя Дмитрий всегда нравилось, а там... как решат...

– Кто решит? Муж?

– И родители.

– Чьи?

– Мои... его... – Ольга заплакала.

Вера тихо гладила ее по плечу и кивнула головой Маше, которая уже несколько минут стояла возле двери вместе с половиной персонала роддома. Шуганув всех жестом, она показала Вере, что в коридоре стоит штатный психиатр и прикрыла двери.

– Оленька, что такое? Что ты плачешь? Муж тебя обижает?

Ольга удивленно посмотрела на женщину:

– Да нет. Он хороший человек.

– Тогда понятно. Ты его не любишь?

– Не знаю.

Вера подкатила поближе кювез:

– А мальчишка у тебя такой, как будто все-таки ты его немножко любишь.

– Почему вы так говорите?

– Я много лет здесь работаю, всякого навидалась. Красивый, здоровый парень. А посмотри, какой спокойный. Ты тут целую бурю затеяла, а он так и не проснулся. Такие хорошие дети от любви рождаются. Если сразу не сказала, что не любишь, значит может и есть что. А ты с ним разговариваешь?

Или он слушать не хочет?

Ольга задумалась и нехотя ответила:

– Не знаю... Я не пробовала ему ничего рассказывать.

– А что так?

– Боюсь...

– Чего? Что он тебя из дома выгонит?

Ольга первый раз с начала беременности улыбнулась:

– Нет! Ему такое и в голову не придет.

– Так ты его немножко знаешь, оказывается. А он тебя?

– А он меня – нет.

– Потому что не даешь?

– Получается так.

– Ждешь, когда он твои мысли читать научится? Почему просто не скажешь ему, что не так?

Ольга смотрела в окно, за которым опускался летний вечер и задумчиво вертела в руках пинетку.

– Может вы и правы...

В кювезе завозился и закричал ребенок. Ольга вскочила и болезненно охнула:

– А говоришь, что плохой мамой будешь! Не выдумывай себе проблем, там, где их нет, Оленька. У тебя их и без того хватает, а теперь еще и добавится. Вот этот самый молодой человек сильно веселой сделает твою жизнь. И это очень хорошо, правда?

Оля вытащила сына и прижав его к груди, с благодарностью посмотрела на Веру.

– Вы придете еще?

– А ты больше не полезешь проветривать сама?

– Нет! – улыбнулась Оля.

– Тогда приду. А ты мне кое-что пообещай, ладно?

– Что же?

– С мужем поговорить – раз, ну это потом, как пустят, и с Леонидом Петровичем – два.

– А это кто?

– Психиатр наш.

Ольга насупилась и крепче прижала к себе сына.

– Не бойся! Ты не первая и не последняя. Глупость это, что все сразу мамками становятся моментально, как родили. А он тебе помочь может. Если разрешения не дашь – никто об этом и не узнает.

– Точно?

– Сама спроси. – Вера приоткрыла дверь в палату и пома-
нила врача, который ждал в коридоре. Седой как лунь, похо-
жий на Деда Мороза, Леонид Петрович, обладал удивитель-
ной способностью мгновенно и навсегда располагать к себе
людей. Вера улыбнулась, видя, что реакция Ольги на психи-
атра ничем не отличается от других рожениц, которые про-
шли через подобные беседы и тихонько вышла из палаты.
Там она без сил опустилась на банкетку и подскочившая к
ней медсестра тут же натянула на руку Веры манжетку ап-
парата, чтобы померять давление. Прибежавшая из ордина-
торской Маша схватила подругу за другую, считая пульс:

– Вера! Что? Плохо тебе?

– Нормально, Машенька. Сейчас, посижу минутку...

Минуткой дело не обошлось и Веру уложили в пустой палате, поставив капельницу и строго-настрого запретив что-то делать в течение суток.

– Конечно! – кивнула та. – Только домою коридор перед ординаторской.

– Вера! Ты неисправима! Лежи! – Маша присела рядом и взяла ее за руку.

Они были знакомы больше двадцати лет. Почти с того самого дня, как, молодая тогда, Вера, пришла работать в роддом. Тихую, скромную молодую женщину быстро оформили на должность санитарки. Младшего персонала не хватало. Через пару месяцев старшая сестра нарадоваться не могла на нее:

– Досталось мне счастье! Что не попросишь – готова! Работает так, что все горит кругом.

Она пыталась уговорить Веру учиться, чтобы сделать из нее медсестру. Вера поначалу отнекивалась, но потом принесла и положила перед старшей сестрой диплом.

– Ничего себе! А почему по специальности не пошла работать? – Ирина Михайловна крутила в руках красный диплом медицинского вуза. – Почему роддом?! Ты же психиатр.

– Есть причины. И не спрашивайте меня больше ни о чем, хорошо? Я диплом показала, чтобы вы не думали, что я вас

не уважаю, совета не слушаю. И просьбу можно? Не рассказывайте никому!

Ирина Михайловна только кивнула, удивленно посмотрев на эту странную женщину.

Вера продолжала работать санитаркой, и никто до поры до времени не знал ни ее истории, ни того, что именно привело ее работать в роддом. Правду она, несколько лет спустя, рассказала только Маше, с которой у них сложились странные отношения чуть ли не с первого дня знакомства. Бывает, что люди чувствуют друг друга, свою «родственную» душу. Вот так получилось и у них. Вера, оставшаяся совсем одна после ухода мамы, сначала осторожничала, а потом успокоилась и открылась Маше.

Маша тогда ждала своего старшего сына, и Вера подхватила ее на лестнице, когда та чуть не потеряла сознание. Слово за слово и через год они уже не мыслили дня друг без друга. Вера стала крестной младшего сына Маши и все эти годы была самым доверенным ее другом. Может быть поэтому, когда, лет пять спустя после знакомства, Маша спросила, что же случилось в жизни Веры, та не стала отнекиваться и рассказала все как есть...

– Я замуж вышла, только-только закончив вуз. Он был старше меня почти на десять лет. Мне казалось, что я нашла того самого, единственного. Голова моя ушла куда-то, оставив только безумную какую-то влюбленность, с которой я не в силах была ничего сделать. Маме моей он совершенно

не понравился, почувствовала она что-то что ли... Но кто ж слушает родителей, когда голова кругом и минуты без него прожить невозможно? В общем, мы поженились очень быстро. Поначалу все было хорошо. Жили мы у него, в квартире, которая от бабушки досталась. А спустя какое-то время я начала себя ловить на том, что он странно себя ведет, а я ему потакаю. Сначала это были какие-то незначительные претензии, вроде невымытой вовремя чашки или не так висящего полотенца. Я не придавала значения. Он всегда был патологически аккуратен, но мне это нравилось. Потом – больше. Я стала не так выглядеть, не так думать и прочее, прочее, прочее. Очнулась я окончательно, когда была уже беременна, на седьмом месяце. Тогда он первый раз поднял на меня руку... – Вера побледнела и замолчала. Маша тихо гладила ее по руке. – В тот раз он вымолил у меня прощение. В ногах валялся, рыдал, клялся, что больше не повторится такое. Мама его приезжала, тоже умоляла, плакала. Моя мама сказала, что если я не уйду сейчас, то, возможно, не смогу уйти никогда. Она готова была увезти меня, спрятать. А я, глупая, отказалась... Второй раз был совершенно другим и последним...

– Вера...

– Он уничтожил меня. Ребенок... девятый месяц... шансов нам он не оставил. Меня собирали буквально по частям. Матерью мне больше не быть. А ребенка моего не спасли. Это был мальчик...

Маша обняла подругу и ревела навзрыд вместе с ней. Успокоились они нескоро.

– Где он сейчас?

– Сидит. И еще долго будет.

– Ты поэтому не работаешь по специальности?

– Да. Какой из меня психиатр, если я в своей жизни такого наворотила? Если не смогла разглядеть всю клиническую картину, которая у меня прямо под носом была? Отличница! – горько усмехнулась Вера.

– Верочка, ты не права!

– Не знаю... Возможно. Но, сейчас я чувствую, что правильно так.

– А почему роддом?

– Сама не знаю... Я, когда малышей вижу... мне легче становится. Жизнь идет дальше... Просто так случилось со мной... А бывает же иначе. Должно быть... Я вот на тебя смотрю, – Вера погладила Машу по животу, в котором уже начинал потихоньку пинаться ее будущий крестник, – и у меня просто сердце поет. Будет новый человек! Представляешь Машка, целый человек! Это же такое чудо!

Машиных детей: Илью – младшенького, Васю – старшего, Вера полюбила всем своим нерастраченным материнским сердцем. Мальчишки отвечали ей взаимностью, шепча на ухо секреты, засовывая, любовно выбранные, "самые вкусные" конфеты по карманам ее пальто в детстве. И готовы были по первому зову лететь к «маме Вере», когда выросли.

Она стала для них и другом, и авторитетом, и просто самой любимой "Верочкой".

Маша только посмеивалась:

– Доведете мать! Отправляю вас жить к Вере и уйду в кру-госветку! Все нервы вытрепали, поросята!

– Мам, а когда наступит этот прекрасный день? – Вася увернулся от тапочка, и показал язык матери. – Вот! А Вера не будет меня угнетать воспитанием!

– Ну, конечно! Поймет, простит и отправит в кадетский корпус!

– Куда? – Вася в притворном ужасе уставился на мать.

– Туда! Где тебе привыют немного ума и дисциплины! У тебя ЕГЭ на носу, а ты не чешешься. Позвоню-ка я ей, на-верное...

– Пошел чесаться! – Василий ретировался.

– То-то! – Маша удовлетворенно хмыкнула.

Вера стала для нее той сестрой, которой у нее никогда не было. Теперь она уже не представляла себе жизни, в которой нет Веры. Она точно знала, случись что с ней или с мужем, ее дети будут под самым надежным присмотром и их совершенно точно будут любить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.